

ОПИСАНИЯ “ГЕОГРАФИИ” ПОТУСТОРОННЕГО МИРА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X-XII ВЕКОВ

ЕВГЕНИЯ КАЛАНТАРЯН,

кандидат искусствоведения,

доцент ГАХА

Аннотация

В литературных памятниках IX-XI вв. нет пока четко очерченных понятий ада илирая. Авторами их являются монахи, по сфере проявления они тоже монашеские. Видения просты по фабуле, наивны в подробных описаниях, мораль проста. В памятниках этого периода нет пока законченности в психологическом осмыслении загробного мира.

Ключевые слова: *Средние века, Дьявол, иконографическая версия, памятник, ад, рай, чистилище, монахи, монашеские, видения, “примеры”, фабула, загробный мир.*

Христианская эсхатологическая литература представляется несколькими элементами: в первую очередь, описаниями из “Откровения Ионнна”, далее - Ветхозаветными и Евангельскими текстами, апокрифическим “Видением св. Павла”, гимнографией - для официального христианства и народными толкованиями – многочисленными видениями, путешествиями в загробный мир, “примерами”. Особняком стоят труды Ефрема Сирина, “Светильник” Гонория Августодунского и дьявольские оргии в театре мистерий, как синтез церковной психологии и культуры “безмолвствующего большинства”.

Источниками к созданию Апокалипсиса послужили, с одной стороны, египетская мифология и вавилонская астрология, с другой – иудейские апокалиптические откровения и пророчества книг Ветхого завета. Это, своего рода, реминисценции и синтез видений Моисея, Исая, Иезекииля, Даниила и Захарии.

Что касается Ветхого завета, то там нет прямого вопроса о будущей жизни, хотя Страшный Суд и Воскрешение предрекаются уже в про-

рочествах Даниила: “Видел я в ночных видениях, вот, с облаками, небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого деньми и подведен был к Нему” (Дан., 7-13) и “Многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда” (Дан., 12,2-3).

В книге Иова, помимо обещания воскрешения – (“А я знаю, искупитель мой жив, и Он в последний день восстанет из праха распадающуюся кожу мою сию и я во плоти моей узрю Бога” (Иов; 19,26-27) “Я узрю Его сам: мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевают сердце мое в груди моей!” (Иов, 19,29). “Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд” (Иов, 19,25-29)) – находим достаточно пространные и детальные описания чудовищного зверя – Левиафана. “Ужас охватывает при виде его зубов и двойной челюсти. Дыхание его раскаляет угли и из пасти его выходит пламя... Голова его напоминает кипящий котел. Его свист воспламеняет угли” (Иов,3,8; 40, 20; 41,3-25). Без сомнения, многие из этих черт легко узреть в иконографии изображения сцен ада в средневековом искусстве или рассказах визионеров.

Буквальное изложение Страшного Суда, из евангелистов наиболее подробно описано Матфеем (Матф.,24, 30-31). Изложение Матфея – основной источник, содержащий всю “программу” Страшного Суда, и если другие евангелисты и упоминают о суде, то лишь добавляют незначительные, подчас противоречивые, детали. Так, Марк указывает, что воскресшие будут без пола, “как ангелы на небесах” (Марк, 12,25). Это прямое отражение идеи бесплотности души и ее значимости, которое было столь существенным для Средних веков. Однако, это определение не явилось руководствующим ни для художников, ни, тем более, визионеров. Более того, они предпочли подчеркнуть, что в раю или аду были люди, знающие свой пол и свои слабости, ценящие свое личностное “я”. Подобная конкретизация личностной оценки для праведников была хвалой их добродетели, грешники же становились предостерегающим примером больше, нежели при аморфном обобщении. Кроме того, здесь можно столкнуться с одним из парадоксов средневековья – цивилизации, ненавидящей тело, как “мерзкую оболочку”, и возвеличивающей духовное начало¹. Сама душа выступает в сознании только в

¹ А. Пономарёв – Собеседования Св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. СПб., 1886 г., стр.25.

плотской оболочке: при воскрешении – это маленькие нагие человечки. Вместе с тем, муки и радости в загробной жизни приравняются лишь к страданиям или наслаждениям плоти в аду или раю. Если душа не материальна, следовательно, она сама не может страдать. Наряду с этим, достойно изображения или упоминания лишь вечное – т.е. душа, тогда как тело – временное пристанище души, которое через несколько десятков лет превращается в прах. Согласно Гонорию Августодунскому: “Тело наше словно одежда; износится, превращается в тряпки”¹.

Возвращаясь к евангельской трактовке Страшного Суда, следует отметить, что евангелист Лука придерживается мнения, что воскреснуть должны лишь праведные (Лука 14, 14). Однако, в средневековых видениях и “примерах”, равно как и в литературе фавлю, куртуазных романах, искусстве, inferнальным картинам уделялось большее внимание, нежели “изображениям” и трактовкам рая. Ибо зримая и осязаемая угроза посмертного воздаяния действовала сильнее, чем проповеди “о необходимости воздержания от грехов”².

Наиболее близка к христианской эсхатологии позиция евангелиста Иоанна, где говорится о всеобщем воскрешении (Иоанн, 5, 28-29). Сам процесс отделения добрых от злых не воспринимается Иоанном, как уже идущий суд. Суд для него – лишь определение участи и дальнейшая судьба грешников.

При всем при этом, изучение монументальной скульптуры Франции XII в., да в сущности, и всего искусства средневековья, только преимущественно как канонической письменной традиции, может завести в тупик. Средневековье было эпохой господства “книги” лишь в “элитарном” русле. Основная часть общества – крестьяне, горожане, рыцари, мелкое монашество и духовенство – не владело грамотой. Книжная письменность существовала в виде островков среди “моря систем устной коммуникации и трансляции культурных ценностей”³.

Устная традиция, разумеется, не могла быть зафиксирована непосредственно. Все знания о ней черпаются в памятниках письменной традиции, однако, путем редакций и обработок. В этой связи, наше вни-

1 J. Le Goff – L'imaginaire medieval. Paris, 1985, 312 p., стр. 186.

2 А.Я. Гуревич – Проблемы средневековой народной культуры, М., 1981 г., 285 с., стр. 158.

3 А.Я. Гуревич – Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства, М., 1990 г., 396 с., стр. 161.

мание привлекают своеобразные жанры среднелатинской литературы – “примеры” (“*exempla*”), описания странствий по загробному миру, проповеди, видения и народные сказки. Это дидактические произведения, ориентированные на широкие массы населения. Подобно храмам, служившим в определенном смысле “библией в камне”, они становятся “библией повседневной жизни” для современников.

Рождение этих жанров во многом обязано агиографии, как мосту между древне-христианским буквальным толкованием Св. Писания и периодом духовного влияния “греко-иудейской апокалиптической письменности”¹. Книга Эноха, евангелие от Никодима, апокрифическое Откровение Св. Павла пользовались большой известностью и авторитетом. Вместе с тем, они зачитываются во время церковных служб, отсюда получая в дальнейшем название “легенда” (от лат. “*legere*” – читать).

Особое место в среднелатинских памятниках литературы занимает жанр видений – путешествий в загробный мир. Здесь в полной мере отражаются воззрения средневекового человека на жизнь, смерть, посмертное воздаяние. Изучая подобные памятники, мы имеем возможность пролить свет на понимание и осмысление в Средние века самой человеческой личности, ее ценностных ориентаций, ее определения во времени и пространстве, отсюда, и обнаружить существенные стороны реальной жизни².

Видения подразделялись на две категории: телесные, т.е. зримые, и духовные, возникшие во время сна³. Наибольшее уважение вызывали сны-откровения, вызванные экстазом. По имеющемуся мнению французских медиевистов школы “Анналов” – Ф. Ариеса⁴, Ф. Шоню⁵, А. Невё⁶ - смерть в раннее средневековье отождествлялась со сном.

1 Potel J. – *Mort a' voir, Mort a' vendre*. Paris, Univ. Press, 1970, 172 p., стр. 100.

2 Randall L.M.C. – “*Exempla*” as a Source of Gothic Illumination. // “*The Art Bulletin*”, 1957, n. 39, pp.97-107.

3 Григорий Великий – Диалоги, кн. V. // “Памятники средневековой латинской литературы IV-IX вв.”, М., 1970, стр. 179 - 186.

4 Ph. Aries – *L'Homme devant la mort*. Paris, 1975, 324 p., стр. 287.

5 P. Cyauun – *La Mort a' Paris* // *Cahier des Annales*, N 29, 54 an., pp.32 - 48.

6 H. Neveux – *Les lendemains de la Mort dans les croyances occidentals*. // “*Annales E.S.C.*”, 34 annee, n.2, pp.31 - 41.

Раннехристианские видения различали в потустороннем мире лишь ад и рай, причем между ними прослеживалась прямая пространственная связь. По иудейско-эллинистической традиции их отделяли мост или пропасть¹.

Рай представлялся на небе или в земном раю – островах Св. Брендана. Раем был Эдем². Ефрем Сирийский в своих “Гимнах о Рае”³, а вместе с ним и Иоанн Златоуст (IV век), Василий Великий (IV век), Лактанций (V век) отмечали рай как высокую гору, на вершине которой восседал Господь. Интересен взгляд Сирина на то, что ключи от рая есть у каждого человека. Следовательно, участь души зависит от личной инициативы и добродетели. Пруденций (IV-V века) описывает рай, усеянным розами и благоухающими цветами⁴.

Ад же мыслился двояко: этимологически “*infernum*” означает “подземный”. Это адская река, или описанное в Апокалипсисе огненное озеро, как место мучений (Откр., XIX, 20; XX, 10). Отсюда и истолковывается значение моста.

И вторая версия: ад расположен на жерлах вулканов. Для Григория Великого на Сицилии, для Григория Турского – на Липарских островах, для Исидора Севильского (XII век) и Цезария Гейстербахского (XII век) – это кратеры Этны и Везувия. Здесь следует отметить, что переданные вышеупомянутыми авторами видения несли на себе сильный отпечаток и влияние античности, которые, впрочем, сохранились в народной фантазии на всем протяжении Средних веков.

Распространенность мифов о Фениксе, Психее, посланной Афродитой в царство Персефоны, рассказ об Орфее в “Георгике” Вергилия, эпизоды из “10-и книг метаморфоз” Овидия и “Метаморфоз” Апулея, рассказы из “Утешения философией” Боэция и “Победного гимна-триумфа Христа” Ювенция – легко узреть в ранних средневековых видениях. Здесь Христос спускается в царство Флегетона, сатаной является Плутон, а Господь – владыкою Стикса.

1 Вероятно, эту традицию имел в виду Шепелевич, называя мост “неясным отзвуком магометанских восточных преданий”. В кн. Л. Шепелевич - Апокрифическое “Видение св. Петра”, Харьков, 1891 г., стр. 164.

2 “Бытие”, гл. 2, 3.

3 Fr. Uhlemann – Ephremes des Syrsers Ansichten von dem Paradiese. Zeitschrift fur die historische Theology. Bd. I, Berlin, 1832, p. 174.

4 Paul Meyer – Liste des versions francaies.// Histoire litteraire de la France. T. XXXIII. Paris, 1938, pp. 371-402.

Известно множество примеров-реминисценций античных образов. Рассказ грешника вдове о том, что если б все листья на деревьях стали бы языками, их опять же не хватило бы на описания ада, есть вариация “Перечня кораблей” из II песни “Илиады” (“Если б 10 имел языков и 10 гортаней”). В IV книге “Энеиды” она звучит уже как “...100 языков и столько же уст”. В “Апокалипсисе Петра” – “100 мужей по четыре языка”, в “Видении Вульфстана” (X век) – “7 голов по 7 языков” и, наконец, в “Видении Тундала” (XII век) – “100 голов по 100 языков”. Как мы смогли заметить, перечисление идет по восходящей линии. Другой пример, заимствованный из античности – “Видение Стефана” (VIII век), описанное Бэдой Достопочтенным, где после смерти Стефан попадает в ад. Как выясняется впоследствии, Главный Судья велел доставить не его, а кузнеца Стефана. Это повторение «Любителя лжи, или Невера» Лукиана Самосатского, где судит Плутон, просивший душу не Клеодема, а кузнеца Делила. Видение повторяет не только общий мотив – ошибка с душами, попавшими в ад, но и занятие героя – действующего лица: в обоих случаях он кузнец.

Подобные обращения к античности свидетельствуют о широком распространении ее традиций и проникновении в народный фольклор, отсюда, и творения античных авторов становились авторитетными первоисточниками для средневековых литературных памятников.

Раннехристианские видения IV-IX веков, подобно античным образцам, обладают дидактическим характером. Повествования Платона об Ире Памфилийском в “Политике или государстве”, о Сципионе Младшем у Цицерона, о Теспезии Соленском у Плутарха имеют двоякое значение: познать тайну и будущее (в случаях с Улиссом, Энеем, Сципионом, Помпеем) и освободить из преисподней близких.

Вместе с тем, эти видения созерцательны. Авторами их являются монахи, по сфере проявления они тоже монашеские. Видения просты по фабуле, наивны в подробных описаниях, мораль проста и часто сводится лишь к зову о милости Всевышнего – как то в видениях о “Св. Карле” и “Св. Сатуре” Дионисия Ареопагита (VI век). В памятниках этого периода нет пока законченности в психологическом осмыслении загробного мира. Нет очерченных понятий рая, ада, чистилища. Их толкование идет, в основном, путем отдельных намеков и образов по типу описаний Григория Великого о знатном муже Репаратусе, видевшем огонь, следовательно, побывавшем в аду.

К этим памятникам следует отнести и “Легенду о Св. Сальвии”, побывавшем три дня на небе, рассказанную Григорием Турским в VII книге “Истории франков” (VI век). Автор употребляет термин “на небе”, хотя из текста следует, что визионер побывал в аду. Видимо, это свидетельство того, что “география” потустороннего мира пока не была определена четко.

Восходящие к античным образцам памятники, выше перечисленные нами, были отражением народных фольклорных традиций. Однако, к этому периоду относится и ряд видений, основанных на традициях письменной культуры, церковной догматики. Тот же Григорий Турский повествует о трирском епископе Никите, видевшем высокую башню, а на ней - восседающего Христа, что является прямым заимствованием из Апокалипсиса (Откр., 19, 15). Бэда Достопочтенный, ведая историю ирландца Фурсы, говорит, что последний нашел “землю, горящей в четырех огнях: лжи, любострастия, раздора и нечестия”. Здесь же, в рассказе о несправедном воине, “герой” встречает двух юношей с маленькими книгами его добрых дел, тогда как злые духи приносят на суд целый кодекс. В него погружают кинжалы, и, когда ножи встретятся, он умрет и попадет в ад. Опять же прослеживается связь с египетской мифологией и “Откровением Иоанна” (Откр., V).

В литературных памятниках IX-XI вв. нет пока четко очерченных понятий ада или рая. В “Видении Бернольда” Хинкмара Реймского (XI век) ад – место, где постоянно сменяются мороз и жара. Здесь же, пока поверхностно, между строк, находим описание inferнальных пыток: король Карл Лысый пожирается в нечистотах червями (Интересно, что тот же Карл Лысый встречается в рельефном убранстве церкви Сен-Фуа в Конке в сцене Страшного Суда, когда черти пожирают его голову) (илл.1-2).

Следует отметить любопытную деталь: с VIII века появляются видения, где визионерами являются короли или известные политические деятели. Как известно, французские монархи наделялись чудодейственной силой исцелять больных и прокаженных. И что интересно, эта традиция просуществовала вплоть до XVIII века, до первой французской революции. В этой связи, возвеличивание их в сонм святых, обретших вечную жизнь в раю, вполне логично и оправдано. Интересно то, что во многих “политических” видениях, короли становятся грешниками и попадают

в ад. Это объясняется не определенными историческими предпосылками: как то начавшиеся крестовые походы, недовольства в среде крестьян и мелкого рыцарства, а тем, что, согласно Св. Писанию, все будут равны перед божеским судом. Привлекает внимание тот факт, что авторы этих видений вносят свою личностную характеристику в описания своих “героев”: в одном видении Карл Лысый пребывает в аду (“Видение Бернольда”), в другом – в раю (“Видение Ротхария”, XI век).

В Средние века устные традиции и религиозная письменность были в тесном контакте взаимовлияний и взаимопроникновений: устная традиция обрабатывала народные источники, верования и фольклор, широкая же аудитория масс трансформировала их в письменную культуру.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Անդրշիրիմյան աշխարհի «աշխարհագրության» նկարագրությունները X-XII դդ. եվրոպական քրիստոնեական վախճանաբանական գրականության մեջ

*Եվգենյա Զալանթայան
Արվեստագիտության թեկնածու,
ՀԳՊԱ դոցենտ*

9-11-րդ դդ. վախճանաբանական գրականության մեջ («Տունդալի տեսիլք» (12-րդ դ.), «Վուկֆստանի տեսիլք» (10-րդ դ.), «Գոդեսլակի տեսիլք» (12-րդ դ.)) դեռևս չեն հանդիպում Դրախտի և Դժոխքի հստակ նկարագրություններ: Այս երկերի հեղինակները վանականներ էին, ուստի նրանց գրվածքների հիմքում ընկած են դարաշրջանի կրոնական աշխարհընկալումները, սակայն դեռևս անդրշիրիմյան պատկերացումների վերաբերյալ ավարտուն և հստակ մոտեցումներ չկան:

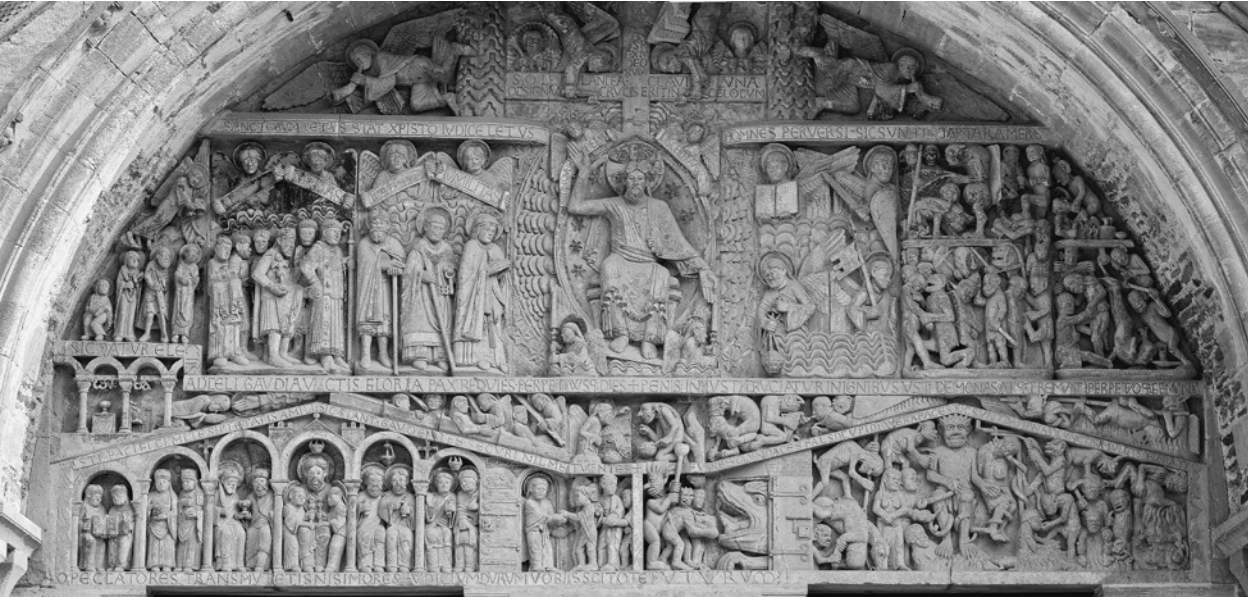
Բանալի բառեր. *միջին դարեր, «Տունդալի տեսիլք», «Վուկֆստանի տեսիլք», «Գոդեսլակի տեսիլք», դրախտ, դժոխք, վանական, տեսիլք, անդրշիրիմյան աշխարհ:*

SUMMARY
Descriptions of “geography” of the other world
in christian eschatological literature

Evgenia Qalantaryan
PhD in Art History,
Associate professor at SAFAA,

In literary monuments of the 9-11th centuries there are still no accurately outlined concepts of Hell or Paradise. The authors of the works were monks, as for the sphere of manifestation, they are monastic too. Visions have simple plots, are naive in detailed descriptions, the morals are simple. In monuments of this period there is no completeness of psychological comprehension of the next world yet. There are no outlined concepts of Paradise, Hell, and Purgatory.

Key words: *Middle Ages, Devil, iconographic version, monument, hell, paradise, purgatory, monks, monastic, visions, «examples», plot, next world.*

1. Конк (Лангедок, Франция), церковь Сен-Фуа, 1140 г., западный портал, «Страшный Суд» (Նկ. 1, Կոնկ, Սեն Ֆուա եկեղեցի, արևմտյան շքամուտք, Լանգեդոկ, Ֆրանսիա, 1140 թ.)

2. Конк (Лангедок, Франция), церковь Сен-Фуа, 1140 г., западный портал, «Страшный Суд», фрагмент (Նկ. 2, Կոնկ, Սեն Ֆուա եկեղեցի, արևմտյան շքանուր, Լանգեդոկ, Ֆրանսիա, 1140 թ., դրվագ)